

ОППОЗИЦИЯ «ПРОВИНЦИЯ/СТОЛИЦА» И ЕЁ ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В РОМАНЕ Б.А. ПИЛЬНЯКА «ГОЛЫЙ ГОД»

Аннотация. В статье анализируется оппозиция «провинция/столица» в романе Б.А. Пильняка «Голый год». Через призму сменяющихся пространственных локусов – таких как Ордынин и Китай-город – и их взаимодействие в рамках романа с внегородским пространством, выявляются связь и разрыв между столицей и провинцией, современностью и традициями. В исследовании рассматриваются прикрепленные к пространственным локусам орнаментальные поля, делается вывод о том, что наибольшая художественная выразительность достигается в тех фрагментах, где пересекаются разные пространственные элементы, что подчеркивает сложность и многослойность литературного дискурса Пильняка.

Ключевые слова: оппозиция «провинция/столица», орнаментальное поле, микрополе, мотив, звукопись.

Проблема художественной реализации оппозиции «провинция/столица» вызывает значительный интерес в современном литературоведении. В исследованиях, посвященных этой проблеме, акцентируется внимание на топологической системе текстов [10], на вопросах семиотики, топонимии [2], процессах глобализации и регионализации культуры [5]. Существуют научные работы, в которых предметом исследования выступают отдельные города (Ярославль [3], Калининград [1] и другие) как единый текст со своим уникальным культурным кодом. Также нам встретились исследования, посвященные репрезентации города и провинции в произведениях Н.В. Гоголя [9] и И.А. Гончарова [4]. С точки зрения осмысления оппозиции «провинция/столица» в творчестве Б.А. Пильняка для нас особый интерес представляет монография В.П. Крюкова «Проза Б.А. Пильняка 1920-х годов (мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах)» [6]. Автор работы детально анализирует мотив столицы, города и провинции в контексте романа «Голый год». Эти мотивы, по мнению исследователя, не только «географически» разделяют художественное пространство текста романа, но и передают разницу переживаний и восприятия людей новой реальности в условиях революционных перемен, тем самым раскрывая многослойность и сложность картины жизни в России 1920-х годов. В.П. Крючков обращает внимание на то, что Б.А. Пильняк противопоставляет столицу и провинцию, демонстрируя не только географическую, но и культурную, духовную дистанцию между ними. Столице в романе приписывается символика модерна, новых идей, но, несмотря на этот динамичный облик, она также ассоциируется с отчуждением и разочарованием. Провинция, в свою очередь, являет собой пространство, наполненное традициями и устоями, но вместе с тем – и страданиями, которые являются результатом изменений, вызванных революцией.

При всей справедливости высказанных исследователем суждений ими не исчерпывается интересующая нас проблема. В статье предлагается взгляд на пространственные локусы в романе «Голый год» через призму орнаментальных полей, что позволяет выявить особенности организации текста на стилевом уровне. В методологическом и методическом плане мы опираемся

на исследование Л.А. Новикова «Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого» [7], применяя его научный подход в процессе анализа орнаментальных полей в романе Б. Пильняка «Голый год». В нашем случае анализ орнаментальных полей позволяет уточнить некоторые аспекты оппозиции «столица/провинция», сосредоточив внимание на значимом для автора романа «Голый год» противостоянии городского и внегородского пространств. Исследований, посвящённых анализу этой оппозиции с точки зрения ее реализации на стилевом уровне и формально-содержательной функции, выполняемой в тексте романа Б.А. Пильняка «Голый год», нами обнаружено не было.

Роман Б.А. Пильняка «Голый год» (1920) – одно из самых ранних явлений орнаментальной прозы в отечественной литературе 1920-х годов. Это роман-монтаж, в котором главы не связаны общим сюжетом, судьбами персонажей, текст имеет мозаичную структуру. Для нас принципиально важно, что на уровне стиля так же, как и на уровне сюжетной и пространственно-временной структуры, обнаруживается неоднородность: насыщенные поэтическими средствами фрагменты погружены в разнородное по своей природе повествование (документ, анекдот, летопись, классическое повествование, рубленые фразы и т.д.). При этом возникает своеобразное многоголосие, в котором особое место занимают максимально нагруженные выразительными средствами фрагменты (орнаментальные поля), прикрепленные к определенным пространственным локусам: городу (Ордынин-Город, Китай-Город) и внегородскому пространству (Черные Речки, Увек, Белые-Колодези, разъезд Мар и др.). Многочисленные более или менее развернутые повествовательные фрагменты, насыщенные выразительными средствами, создают два орнаментальных макрополя – городское и внегородское.

Впервые с городским пространством в романе встречаемся во вступлении – «Ордынин-город», где дается описание городских ворот, архитектурного облика города, уклада жизни его обитателей. Особое место в повествовании занимают имеющие сложную синтаксическую структуру фрагменты, организованные по поэтическому принципу, в которые включены мотивы нового революционного времени: *«По древнему городу, по мертвому Кремлю ходили со знаменами, пели красные песни, – пели песни и ходили толпами, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами, башнями, обулыженными улицами, глухо спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот. Кругом Ордынина лежали леса, – и в лесах загорались красные петухи барских усадеб, из лесов потянулись мужики с мешками и хлебом»* [8, с. 50]. Здесь ошутимость повествовательного текста достигается посредством повторов: звуковые повторы сонорных [м], [н], [р] и [л] создают атмосферу сказа, а звук [н] с момента повтора в слове «канонный» начинает создавать ещё и звуковое сопровождение на уровне восприятия текста, поскольку дальнейшее его повторение в совокупности с «монастырями, соборами, башнями» рождает ассоциацию с колокольным звоном, раздающимся в этом древнем городе; частое лексическое повторение слов «древний» и «красный» рождает причудливое сочетание старого, связанного с историей, с новыми, ходящими по Кремлю и поющими песни людьми.

Вторым пространственным локусом во вступлении является метафорический Китай-город, описание которого представляет собой хитросплетение образов и средств выразительности, сконцентрированных в три «воронки» – три микрополя: поле Китай-города в Москве, в Нижнем Новгороде, в Таёжеве, что неподалёку от Ордынина. Все три микрополя объединяются общими мотивами и приёмами. Олицетворение встречаем по отношению к городу в московском Китай-

городе («*Китай-Город* <...> *ворочался* <...> *сам в котелке и с портфелем облигаций* <...> – *совсем Европа*» [8, с. 52]; в Нижнем Новгороде («*В Нижнем-Новгороде* <...> *смотрит солдатскими пуговицами вместо глаз – тот* <...> *Китай. <...> Без котелка*» [8, с. 52]; и в Таёжеве («*Не дымят трубы, молчит домна, молчат цеха* <...> *И из прокопченных цехов, <...> – глядит: Китай, усмеваются (как могут усмехаться!) солдатские пуговицы*» [8, с. 52].

Длинные ряды перечислений и однородных членов предложения создают интонацию, объединяющую три микрополя в одно поле Китай-города (Москва: «<...> *в Москве, в Китай-Городе, за китайской стеной, в каменных закоулках и подворьях, в газовых фонарях* <...> *в котелках, в фетровых шляпах и зипунах, <...> с портфелем облигаций, акций, векселей, накладных, биржи, – икон, кож, мануфактур, изюмов, золота, платины, Мартьяныча, <...> котелки, <...> безлюдье и безмолвье, <...> собаки, и <...> фонари*» [8, с. 52]; Нижний Новгород: «*В Нижнем-Новгороде, в Канавине, за Макарьем, <...> миллионов пудов, бочек, штук, аршин и четвертей товаров, смененных на рубли, франки, марки, стерлинги, доллары, лиры и прочие, – после октябрьского разгуля, под занавес разлившегося Волгой вин, икор, «Венеции», «европейских», «татарских», «персических», «китайских» и литрами сперматозоидов, – в ноябре в Канавине, в снегу, из заколоченных рядов, из забитых палаток, из безлюдья – смотрит солдатскими пуговицами вместо глаз – тот: ночной московский и за Великой Каменной Стеной сокрытый: Китай. Безмолвие. Неразгадка. Без котелка. Солдатские пуговицы – вместо глаз*» [8, с. 52]; Таёжев: «*Лощина, сосны, снег, <...> – каменные горы, свинцовое небо, свинцовый ветер. Снег, <...> сосны, <...> ветер: <...> Март. В соснах – поселок, за холмами – город, в лощине – завод. <...> трубы, <...> домна, <...> цеха – и в цехах снег и ржа. Стальная тишина. И из прокопченных цехов, от фрезеров и аяксов, от молотов и кранов, из домны, из прокатного от поржавевших болванок*» [8, с. 52]. Из орнаментального поля Китай-Города вырастает мотив России-Азии, получающий развитие на протяжении романного повествования.

В первой главе «Изложения» «Здесь продаются пьмадоры» происходит возвращение в Ордынин, орнаментальное поле которого продолжает разворачиваться в этой и следующей главе «Дом Ордыниных» теми же средствами, что и во вступлении (звуковыми и лексическими повторами), но дополненными мотивами из поля Китай-города и новыми мотивами (мотивы зноя и метели, звуковые мотивы).

В главе III «О свободах» описывается уже внегородское пространство, составляющее другое орнаментальное макрополе, включающее в себя Увек с его археологическими раскопками, Чёрные Речки и Белые-Колодези. Это поле характеризуется тем, что некоторые мотивы, относящиеся к городскому пространству, приобретают в контексте другого локуса несколько иное значение.

В макрополе города возвращаемся в главе IV «Кому – татары, а кому – лядоры», здесь сходятся мотивы, характеризующие Ордынин, Китай-город (небольшое, но графически выделенное упоминание) и пространство монастыря Введеньё-на-Горе. На наш взгляд, можно говорить о максимальном развёртывании орнаментального поля городского пространства именно здесь, поскольку описание пожара в монастыре является наивысшей точкой скопления художественных средств, характерных для данного локуса.

В главе V «Смерти» действие переносится в Поречье и в Старый Курдюм – вводятся ещё два микролокуса в макрополе внегородского пространства. Там же встречаем новый локус – поезд № пятьдесят седьмой – смешанный, в описании которого причудливо соединяются мотивы

Ордынина и Китай-города. Примечательно, что именно с этой главы начинается своеобразное «смещение» и «пересечение» всех локусов романа, которое продолжается и далее, в главе VI «Предпоследняя, большевики» (Ордынин сменяется шахтой №3, затем – Китай-городом). В «Заключении» вновь происходит перемещение во внегородское пространство – в Чёрные Речки.

Таким образом, проследив смену пространственных пластов на протяжении всего романа, можно сделать вывод о том, что наибольшая художественная ощутимость текста, пик орнаментализма, приходится на те фрагменты, в которых пересекаются и сменяют друг друга несколько локусов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Пильняк, противопоставляя город и внегородское пространство, не проводит четкой грани между столицей и провинциальными городами (Нижний Новгород, Ордынин), акцентируя внимание на их оппозиционности внегородскому локусу. При этом, несмотря на ряд элементов европейской цивилизации, присутствующих в столичном (Московском) и Нижегородском локусах, все пространство России – Азии оппозиционно по отношению к Европе.

Литература

1. Гаврилина Л.М. «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 88–99.
2. Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 18 (156). Вып. 12. С. 63–69.
3. Ерохина Т.И. Ярославский текст как семиотическая система // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т.1. С. 264–268.
4. Есикова Н.Д. Провинциальный город в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Провинция в контексте истории и литературы: Материалы II Крапивенской краеведческой конференции. Тула, 2006. С. 357–364.
5. Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Глобальное и региональное в контексте сравнительно-исторического изучения литератур // Филологическая регионалистика. 2009. № 1-2. С. 28–31.
6. Крючков В.П. Проза Б.А. Пильняка 1920-х годов (мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах). Саратов: Научная книга, 2005. 353 с.
7. Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М.: Наука, 1990. 180 с.
8. Пильняк Б.А. Романы / сост., авт. вступ. статьи И.О. Шайтанов; подг. текста Б.Б. Пильняка-Андроникашвили. М.: Современник, 1990. 606 с.
9. Силина Л.А. Черты хронотопа провинциального города в повестях Гоголя // Провинция в контексте истории и литературы: Материалы II Крапивенской краеведческой конференции. Тула, 2006. С. 331–340.
10. Шутая Н.К. К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа // Мир науки. Педагогика и психология. 2015. № 1. С. 1–6.